

тельности и следственности, подчеркивает равноправность сторон, непосредственность процесса и его гласность.

Словом, в нашем судебном законодательстве мы принципиально можем взять за отправную точку советские законы. Наша дальнейшая задача будет сводиться к тому, чтобы освободить современный процесс от навязанного ему односторонне-классового начала, чтобы сделать его общенародным и еще более развить в нем культурно-исторические традиции, свойственные народам России-Евразии,

Н. Н. Алексеев,

МОНАРХИЯ ИЛИ СИЛЬНАЯ ВЛАСТЬ?

В широких кругах эмиграции, часто любящих изъясняться по вопросам политики — конечно, при усиленной поддержке правой печати — понятие монархии неразрывно связывается с понятием о сильной власти. Можно даже сказать, что забывая о СССР, которому при всех его действительных дефектах, нельзя отказать в политической силе, эмиграция считает монархию единственной государственной формой, могущей осуществить сильную власть, столь явно необходимую для будущей России. Присходит это отчасти оттого, что прошлому, в гипнозе которого все еще пребывает множество людей, приписываются все, даже и не бывшие качества, отчасти же потому, что монархию считают какой-то навсегда данной и исторически неизменной формой. На самом деле монархия, как всякая политическая система, постоянно изменялась и изменяется, и, конечно, между монархиями Людовика XIV, Наполеона, Эдуарда VII, Петра Великого, Александра I и Николая II — мало что есть общего. Если же приглядеться к современным европейским монархиям, то можно прийти к заключению, что они уже давно не являются формами автократической государственности, и скорее подходят по типу к тем политическим системам, которые называются демократическими. Таковы — болгарское царство, королевства румынское С.Х.С., шведское, голландское, королевство бельгийцев... и до-фашистская Италия и предиктаториальная Испания. Во всех поименованных случаях монархический строй уже не имеет глубоких культурных и социологических корней, и единоличное возглавление верховной власти может почитаться лишь как технический атрибут политической жизни. Исключение, составляет монархический принцип Великобритании. Здесь королевская верховная власть не только связана с прочно сохранившейся аристократической традицией, но и является необходимым идеалистическим контрфорсом для основной движущей великобританской силы имперского предпринимательства. Каждый английский гражданин находится как бы в двойном внутреннем подданстве: у своей «английской» традиции (король) и у грандиозного предпринимательского «дома» Империи (доминионы и колонии). Лишь благодаря этой двуликости английская государственность находит в себе способности и силы для преодоления своей всегда сложной и рискованной политики. Т. о. для Англии монархический принцип оказывается до сего времени и культурно обоснованным и политически необходимым.

Из четырех больших после-военных революций (русская, германская, австро-венгерская, итальянская) лишь в Италии удержался монархический режим и удержался, видимо, потому, что не был определенно связан с какой-либо политической предреволюционной конъюнктурой, подобно тому, как германская монархия определяла собой агрессивно-милитарный стиль «пруссачества», или австро-венгерская корона — неорганичность придунайской монархической псевдо-федерации, или, наконец, как русская монархия стояла в неразделимой связи с общим чудовищным политическим декадансом предвоенной и предреволюционной России. Русское Царство не было достаточно ничтожным, чтобы уцелеть, временно сойдя на нет, подобно итальянской монархии, но оно было настолько надломлено и дезориентировано,

что не смогло в какой бы то ни было форме оказать сопротивление исторической волне революции и первое установило прецедент государственной слабости, за которым последовали провалы первого Временного Правительства, правления Коренского и проч. Таким образом, к моменту испытаний в русской монархии не оказалось той социальной крепости, культурной традиции и государственной воли, которые были бы в силах, многое «сдав» революции, в то же время удержать юридическую и историческую преемственность власти.

В результате старая государственно-культурная традиция оборвалась и ныне заменена новой. Только при глубоком и всестороннем понимании всех перемещений, происшедших в основах русской культуры, и ясно сознавая все последствия нарощения новой русской исторической традиции, можно говорить о русском будущем; и тогда обстоятельства окажутся против монархической реституции.

Современные русские монархисты необычайно противоречивы в своих политических построениях. С одной стороны, они всячески расширяют идею и смысл монархии, возводя ее до какого-то всеобщего жизненного принципа, но с другой — они закрывают глаза на то, что всякая монархия должна иметь прежде всего социологическое обоснование и должна вырастать из сложного взаимоотношения конкретных культурных явлений.

Обращаясь к конкретному факту современной России, можно сказать, что она социологически на долгое время лишена возможности выдвинуть и обосновать новую монархию. Никакая монархия не может обойтись без специфически дворцового стиля, без капитула орденов, титулов и особой придворной психологии. Реставрация, т. е. ожесточенное восстановление монархии, неизбежно должна влечь ко всему этому. А между тем прежние русские монархические традиции и опорочены и забыты. Революция коренным образом разметала хранителей этих традиций и выдвинула новых людей. Эти новые люди, если только обстоятельства привели бы Россию к неизбежности монархического восстановления, будут поставлены в жалкую необходимость беспомощно копировать забытый ритуал прошлого, или же наскоро выдумывать и устанавливать новую традицию и стиль. И то и другое одинаково приведет к ужасающему культурному безвкусию, к насаждению всевозможных *parvenus* и в конце концов к махровым уродствам плутократии. Восходящие в процессе революции политическое сознание и воля новых людей могут исказиться и притупиться в ненужном и вредном усвоении иноприродных им традиций и хватки. И новая русская монархия должна будет неминуемо либо впасть в обще-европейский «королевский» стиль, либо увязнуть в доморощенной отселятине.

Не иначе стоит и политико-юридическая сторона монархической проблемы. Основной принцип монархии заключается в том, что верховная власть вынесена за пределы государственно-политического корпуса всего народа. В этом — условная сила монархического строя, но и безусловная слабость, потому что автократичность власти, ее сила и юридическая значимость действительны лишь тогда, когда право власти совпадает с абсолютностью ее суверенитета. В этом смысле монархия расщепляет оба указанных момента, поскольку она признает за народом, хотя бы только фактически, какие бы то ни было политические права, но в то же время почитает себя единственным обладателем суверенитета. (Из этого не должно следовать апологетическое отношение к современным республиканским демократиям Европы. Несмотря на то, что в них нет персонального носителя суверенитета, право широких масс на власть не становится суверенным уже потому, что в современном европейском народепрямстве вовсе исчезли идея и ощущение метафизики власти, что единственно и переводит правовой стимул — в высший план).

Преодоление всякой революции неизменно определяется государственным максимализмом, усилением государственного тягла и требованием повышенной жертвенности во имя целого. Большевики умеют заставлять широкие массы выносить тяготы коммунистического режима не только террором, но и умелым конструированием всего советского аппарата. Именно это и дает возможность в современной России всякий политический акт, как обыкновенно административного порядка, так и верховно-распорядительного значения, одинаково обосновывать на первичном политическом сознании народа. Будущая российская власть неминуемо будет требовать от народных масс огромного политического напряжения и жертв.

А требовательность власти может быть плодотворной лишь в том случае, если ответственность будет лежать на всех, если не будет «вынесенной» инстанции верховной власти, на которую легко сваливать все обвинения и недовольства. Для того, чтобы новая, послекоммунистическая власть, выросшая из глубин революции, была бы действительно компетентна и полномочна государственно переоформить огромную территорию Евразии, недостаточно выдвижения одного лица или династии. Это должно стать делом целой поросли людей, которая давала бы возможность править титулом всего народа и выдвигала бы верховенство власти от самых народных корней. Смогут ли созреть в будущем в этой поросле новых поколений и людей идея и формы монархического строя, судить и трудно и преждевременно. Можно только с решительностью установить, что чем дольше народ и власть будут в неразделимом единстве, тем с большей силой и решительностью будут ликвидированы изнутри, самим народом, все революционные разрывы и надломы. Потому то так и опасен, особенно в период преодоления революции, неизбежный при монархии — ритуально-юридический разрыв между властью и народом.

Против монархии можно, наконец, выставить еще и следующее соображение. Конечно, всякая власть коренится в метафизике. То, что один человек может приказывать, а другие могут повиноваться, — всегда останется необъяснимо-иррациональной закономерностью социальной жизни. В этом смысле и говорится, что всякая власть священна. Но монархия неминуемо должна устанавливать и обставлять себя в исключительных атрибутах сакральности и в особой подчеркнутой связи с иноприродностью власти. Между тем, в эпоху революции власть становится сугубо «от кесаря», сугубо страстной и человечески-властной, и потому особенно болезненным становится смешение кесарева с Божьим. Церковь должна осознать это и в эпоху усиления человеческих страстей должна вернуться к жизни своей духовной гранью, должна встать на тот план противопоставленности жизни, с высоты которого она действительно могла бы стать совестью и судьей мира. А это при монархии — невозможно... Конечно, всякое народоправство несовершенно. Но в наше время, являющее особое усиление социального начала жизни, нужно искать новых форм политического устройства и власти. Ни монархия, ни европейская демократия напряженности нынешней русской общественности и политики не соответствуют. Нужно искать будущие формы русской государственности в принципе народной автократии, наилучшим образом сочетающем в себе народный суверенитет с началом народоводительства. Только сочетание этих двух начал и в состоянии создать сильную и органическую власть.

П. П. Сувчинский.

ОБЩЕЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.

1.

До революции Россия была страной, в которой официальным хозяином всей государственной территории признавался русский народ. При этом не делалось никакой принципиальной разницы между областями с исконно-русским и областями с «инородческим» коренным населением: русский народ считался собственником и хозяином как тех, так и других, а «инородцы» не хозяевами, а только домочадцами.

За время революции положение дела изменилось. В закономерном для известного периода революции процессе всеобщего анархического разложения Россия грозила распасться на отдельные части, если бы русский народ не спас государственного единства, пожертвовав ради этого своим положением единственного хозяина государства. Таким образом, в силу неумолимой логики истории прежнее соотношение между русским народом и «инородцами» было нарушено. Нерусские народы б. Российской империи приобрели положение, которого